

С.А. Штырков

**«ОСЕТИНСКАЯ КНЯГИНЯ
НА РУССКОМ ПРЕСТОЛЕ»:
МАРИЯ ЯСЫНЯ, РУССКО-ОСЕТИНСКИЕ СВЯЗИ
И КОНСЕРВАТИВНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ**

Большинство населения Осетии знает данную историю очень отрывочно. Православных газет не читает, а значит, остается в неведении (Из письма в редакцию газеты «Православная Осетия») [Тетцоев 2009: 5]).

Основную линию моего рассуждения определяет предположение, что мы по-прежнему склонны преувеличивать единство коллективного социального действия и тем более институтов. Мы говорим о политике государства по отношению тому или иному явлению или группе, не принимая во внимание то, что это явление или группа зачастую оказывается объектом (в случае представителя группы — субъекта) нескольких типов действия и по-разному воображается в зависимости от контекста воображения. Между тем разные векторы социального действия (разные по мотивам инициаторов и участников и по технике участия) пересекаются, образуя временно пучок усилий, которые так же временно наполняются относительно схожими для самих участников смыслами. Перед лицом этой проблемы, кажется, нам нужно подыскать какие-то новые способы рассказывать о том, как происходят социальные трансформации, и найти в этом рассказе место для социальных инициатив, которые, оставаясь незаметными для большинства людей, населяющих социальное определенное пространство, указывают на глубокие движения в общественном сознании (или, другими словами, воображении). В своем нарративе об одном канонизационном проекте я начну с рассуждений общего порядка, чтобы понять, как разные игроки могут использовать его, выстраивая дискурсивные идеологические стратегии.

В современной России происходят серьезные изменения в области публичной репрезентации государственной аксиологии.

Связаны они в первую очередь с изоляционистским трендом в политике правящей элиты, форсированно развивающемся из-за событий на Украине (вернее было бы сказать, благодаря основному вектору трактовки этих событий в медиа-пространстве и общественном мнении). Противопоставляя страну и ее культуру Западу и стремясь выявить внутри страны симпатизантов последнему, изоляционисты одновременно стремятся повысить сплоченность нации. И это в значительной мере им удастся.

Для нас сейчас важен следующий эффект этого сдвига в социальной жизни: в современной России сокращается уровень агрессивного отношения к группам, которые долгое время были стигматизированы в обывательском сознании. Например, наблюдается стремительное падение враждебности к выходцам из национальных республик Северного Кавказа. Ксенофобский лозунг «хватит кормить Кавказ» сменяется идеализацией образа северокавказского общества, в котором видят чуть ли не последнюю надежду России в условиях стремительной глобализации, понимаемой в терминах идеологической и политической агрессии Запада. В этом отношении характерно, что в качестве героев, пусть не слишком громко прославляемых, но приобретших устойчивые симпатии многих россиян, выступают парни из Чечни и Осетии, принимавшие участие на Востоке Украины в противостоянии правительственным войскам. Готовность взять в руки оружие ради защиты «Русского мира» делает этих бойцов в глазах многих надежными солдатами империи.

На повышение статуса кавказцев как идеальных россиян работает и общероссийская информационная политика пропаганды консервативных идеалов в частной жизни: для кавказских обществ, согласно распространенным представлениям, характерны определенность и даже жесткая фиксированность гендерных ролей в общественной и семейной сфере, приверженность обычаям и религии предков и, наконец, т.н. силовой патриотизм, т.е. стремление видеть доказательство величия родины в воинских победах и мощи армии. Можно только удивляться, что еще недавно воспринимаемые как источники социального хаоса выходцы из кавказских республик теперь понимаются как естественные гаранты социальной стабильности в условиях угрозы со стороны разьедаю-

щего традиционные ценности глобализма. В свою очередь, социальный спрос на традиционализм, во многом поощряемый политической элитой России, находит горячее понимание на Северном Кавказе, где любовь к социальной и культурной архаике стала в постсоветское время чуть ли не повсеместной.

Однако в социальном поле традиционалистских идеологических ценностей и инициатив северокавказские общества (так, как они представлены в социальном воображении россиян) оказываются не одиноки. Близкие им функции в обывательском сознании выполняют и институты т.н. традиционных религий, в первую очередь — Русская православная церковь Московского патриархата. Вообще говоря, «традиционность» является качеством, прямо соотносимым с имплицитно приписываемыми «настоящей» религии характеристиками — устойчивостью, упорядоченностью, способностью являть собой образец стабильности для меняющегося, претерпевающего стремительные и болезненные трансформации общества, которое нуждается в идеальных образцах гарантированной статичности и укорененности в национальном прошлом. Действительно, для большинства наших современников религия, чтобы легитимно носить этот титул, должна соответствовать представлениям о чем-то древнем, неизменном и консервативном, другими словами, неким традиционалистским установкам.

В связи с этим интересно будет взглянуть на ситуацию, когда два наиболее ярких современных традиционализма — северокавказский и православный — вступают во взаимодействие, иногда взаимовыгодное, иногда конфликтное. И этот пример дает нам религиозная жизнь в республике Северная Осетия — Алания.

В конце 2012 г. в Северной Осетии была создана новая епархия Русской православной церкви Московского Патриархата. Она получила название Владикавказской и Аланской. Руководство новой структуры с большой энергией взялось за создание образа осетинского народа как носителя древней православной культуры, которая досталась ему в наследство от его предков — алан, принявших христианство в X в.

В этой деятельности представители епархии получают поддержку со стороны руководства Северной Осетии и основных

лояльных ему СМИ. Общими усилиями создается портрет Русской православной церкви как основного и, что особенно важно, естественного хранителя достоверной информации о наследии предков, передающего ее молодому поколению.

Устремление православных активистов к «коренизации» православия вызывают у жителей республики неоднозначную оценку. Часть высказывающихся по этому поводу прямо занимают антихристианскую позицию, обосновывая ее аргументами, в которых органично смешаны ницшеанская и антиглобалистская логика. Христианство репрезентируется в качестве религии рабов, духовных и социальных инвалидов, сознательно созданной теми, кто стремится к мировому идеологическому доминированию.

Но для многих возникающая проблема сложнее. Мне не раз приходилось слышать высказывания о том, что исповедание христианства вообще и православия в частности является не только легитимным, но и желательным — исторически и экзистенциально — выбором для части осетин, но не может быть рассмотрено как необходимая и неотчуждаемая составляющая их этнической идентичности, в отличие от, скажем, того же православия для русских или ислама для чеченцев или ингушей. В качестве примера высказывания, в котором православие выступает в качестве неотъемлемой составляющей базовой этнической идентичности осетин, приведу слова Ксении Гокоевой, руководителя пресс-службы главы Северной Осетии: «Православие — это родное, свое... Надо креститься, надо венчаться и причащаться, иначе и быть не может, потому что это твой генетический “код”, это менталитет народа. Его живой организм дышит и развивается в православной вере испокон веков» [Муравлев, Фомичев 2015: 87].

Именно стремление к трактовке православия в качестве базового аспекта национальной культуры и мировоззрения, а не индивидуального выбора человека вызывает непонимание, неприятие и негативную оценку. Как выразилась моя владикавказская знакомая, «хочешь быть христианином — будь, это твое дело. Но не объявляй меня неправильным осетином, если я не являюсь твоим единоверцем». При таком понимании структуры социальной идентичности осетина валентность религии оказывается изначально свободной и может быть заполнена как православием, так

и, скажем, исламом (а сейчас и т.н. народной, т.е. этнически специфичной осетинской религией). Но как бы там ни было, в информационном пространстве современной Северной Осетии с образом православия как «природной религии» осетин люди сталкиваются все чаще и чувствуют потребность как-то реагировать на эти контакты.

Руководство Северной Осетии в лице Главы республики Таймураза Дзамбековича Мамсурова, представляясь православным осетинам защитой их веры от мнимых и реальных идеологических врагов, активно и прагматично использует образ православной Осетии для своих целей, прежде всего — для укрепления связи с федеральным центром. Так, республиканские власти принимают активное участие в подготовке к празднованию 1100-летия Крещения Алании, вдохновленные идеей, что на земле древней Алании находились самые древние православные храмы на территории современной России. А значит, можно считать, что здесь следует искать и исходную точку для распространения христианства по всей России.

Одним из самых ярких проявлений этой политики является проект по продвижению к общецерковному почитанию бабушки Александра Невского благоверной княгини Марии Ясыни (считающейся аланкой по происхождению), которая пока прославлена в качестве местночтимой святой во Владимирской епархии. Образ Марии, с точки зрения активистов этого проекта, должен стать символом глубокой династической связи осетин с родом московских князей — созидателей Российского государства. На сайте полпредства республики в столице читаем: «Все князья Северо-Восточной Руси, в том числе и великие князья Московские и цари, были потомками Марии Ясыни. Знаменитый князь-полководец Александр Невский приходился ей внуком». Председатель парламента РСО-А Алексей Мачнев так выразил эту идею: «Главное в том, что они (12 детей Марии и Всеволода) стали родоначальниками 115 знаменитых русских родов, которые очень много сделали для спасения, собирания земель русских, для величия России» [Мачнев 2014: 5]. И если можно так выразиться, представители владетельной линии великих князей являются, таким образом, осетинскими зятьями. Об этом, торжествуя, писал

анонимный автор материала в газете «Православная Осетия»: «Русский с осетином — братья навек, и не в метафорическом, а в самом прямом, кровном смысле слова!» [Духовное завещание Ясской княжны 2014: 5]¹.

Следует отметить, что этот проект зародился в одновременно во Владикавказе (см. публикации в газете «Православная Осетия» [Андреева 2001, Кондратьев 2003: 3]) и Ярославле, где еще в 2002 г. руководитель местного осетинского национально-культурного общества (автономии) Тамара Дидианова — еще одна аланская посланница в земле Владимирской — опубликовала статью об осетинском происхождении Марии Ясской. В последние годы эта идея была активно поддержана структурами Владикавказской епархии и «Благотворительного фонда содействия и возрождения этнокультурных и духовных ценностей осетинского народа “Аланское наследие”», (последний — в лице председателя правления Залины Кусаевой). Представители именно этих институтов, при поддержке Фонда имени великой княгини Евдокии Московской, провели обсуждение перспектив проекта на епархиальной научно-практической конференции в мае 2014 г. во Владикавказе. В ноябре того же года в Москве разговор на эту тему был продолжен в формате секции «Отечество, возвеличенное трудами предков. Мария Ясыня: от аланской княжны до святой русской княгини» в рамках XVIII Всемирного Русского Народного собора. Одним из итогов этого собрания стало обращение к Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу с просьбой, по словам информационного портала «Русская народная линия», «благословить общецерковное почитание святой Марии Ясыни» [В рамках ВРНС 2014].

Вероятно, представители молодой Владикавказской епархии видят в популяризации почитания святой владимирской княгини движение в сторону обретения новых православных подвижников — покровителей Осетии (мне несколько раз в разных контекстах говорили о назревшей необходимости в новых прославлениях). Правда, в этом (как и в некоторых других случаях) вернее говорить о воспоминании незаслуженно забытых святых. Так

---

¹ Этот материал взят из публикации в журнале «Горец» [Славина 2012].

секретарь епархии отец Савва Гаглоев, выступая на московском заседании, сказал: «Владикавказская епархия уже давно поднимает тему прославления Марии Ясыни. К сожалению, о ней мало знают и в России в целом, и у нас в Осетии. Она причислена к лику святых как подвижница Владимирской земли. Но ее подвиг, ее значение таково, что она достойна общероссийского, общецерковного прославления» [Там же].

Тема забвения и вспоминания еще отчетливее слышна в рассуждениях настоятельницы Богоявленского Аланского женского монастыря матушки Ноны (Багаевой) (документальный фильм «Ясыня», реж. Султан Цориев; Нарт-Арт-студия, 2010). Она сетует на историческое беспамятство: «Мы плохо знаем свою историю. И я вообще-то по первому образованию историк. И даже я многого не знала. Только сейчас погружаюсь в этот... такой, знаете, бездонный кладезь». И несколько позже переходит к подведению промежуточных итогов этого погружения в прошлое: «Сегодняшние историки провели колоссальную работу. И они свидетельствуют, что у осетин на самом деле есть более ста пятидесяти святых. <...> Такие знаменитые святые, как Мария Ясыня».

Однако для нас сейчас важно то, что довольно скоро этот призыв к широкому почитанию княгини перестал быть чисто церковной инициативой, в этот процесс довольно активно включились светские власти республики, вкладывая в идею всецерковного прославления Марии Ясыни свои смыслы.

Продвижение этого проекта не только в республике, но и в Москве призвано, на наш взгляд, переформулировать условия «союзного договора» между русскими и осетинами, в котором последние будут выступать не просто как верные подданные Российского государства, но и его созидатели. При таком взгляде на проблему представители осетинского народа получают особое право на высказывания на общенациональной (и, на мой взгляд, вполне националистической по идеологии) дискуссионной площадке — Всемирном русском народном соборе. Там на пленарном заседании уже упомянутого XVIII собора Таймураз Мансуров — единственный из глав субъектов Российской Федерации, кто принял участие в этом высоком собрании, — выступил с ко-

роткой, но весьма содержательной речью. Отправной точкой в этой речи стала фигура Марии Ясыни, рассуждения о которой привели говорящего к весьма общим и небанальным выводам о характере российской государственности: «Есть прописные истины, достойные постоянного напоминания. Одна из них та, что Россия существует как кавказское государство. Или еще точнее — кавказские территории являются неотъемлемой частью России. При всех коллизиях, подчас трагических, русский народ, строитель российской цивилизации, не устраивал “плавильный котел” народов. У каждого составляющего Россию народа сохранилось прошлое, есть общее настоящее и общее будущее [Мамсуров 2014: 4].

Интересно — и здесь мы возвращаемся к началу нашего рассуждения о трансформации аксиологических ориентиров в современном российском обществе — что перспектива всецерковного прославления княгини Марии была с энтузиазмом воспринята частью церковного истеблишмента, например протоиереем Всеволодом Чаплиным. Отец Всеволод принял участие в упомянутом ноябрьском секционном заседании и посвятил этой теме выпуск своей радиопрограммы «Время доверия» (11.11.2014. Радио «Комсомольская правда», выпуск «Осетинская княжна Мария Ясыня: кавказский народ и история России»). Доминантной темой в «московском» нарративе о Марии Ясыне было, разумеется, единство России в многообразии культур (из выступления на заседании: «Богатство — это величайшее разнообразие наших народов, умение переживать сложные периоды истории, умение уживаться при таком различии народов»).

Однако на передаче, в которой приняли участие представительницы фонда «Аланское наследие» Залина Кусаева и Эльмира Каражаева, довольно отчетливо прозвучала тема консервативности осетинских норм семейных отношений как естественного ориентира для современного человека. Отец Всеволод так описал чуждые ему идеи: «Вот сейчас пытаются объявить модным нечто другое: “Человек вообще один, да? Он не обязан ничего ни старшим, ни младшим. Ему должно быть хорошо одному. Заботиться о семье — это пережиток, это дикость, это первобытная модель поведения. Да ну их, все эти семейные связи. Без них как-то луч-

ше. Денег будет больше, если ты один. <...> Живи ради себя!»
Выгодно, полезно жить ради себя или нет?»

Одна из собеседниц охотно предоставила требуемую ведущим осетинскую альтернативу модному индивидуализму: «У нас есть понятие очага, семейного очага. У нас очень свято чтутся семейные, фамильные традиции. И это очень важно для сохранения осетинской культуры. И соответственно... вот, в чем уникальность вообще... даже осетинской молитвы? В том, что осетины никогда не просят у Господа благополучия только для себя. Издавна наши предки всегда понимали единство... как бы... Вот эта вот философия, концепция единой вселенной, она была присуща культуре издавна. И когда, вот, осетинская женщина молится и просит благодати для своих детей, да, она подразумевает детей всего мира, всей Вселенной. Она понимает, что люди всего мира связаны, да? И если хорошо одному, да, то должно быть... Или если плохо кому-то, то хорошо всем просто не может. И вот эта вот традиция единения и сосуществования с ближними, с соседями, с родственниками, с представителями древнего рода — это неотъемлемая часть и современной жизни. Потом вот демократичность общества. <...> Иерархически даже вот застолья наши. Они никогда не организовываются по достоинствам каким-либо... там сословным, да? Вот даже рассаживаются за столом у нас по старшинству. <...> Что опять-таки нас отсылает к завещанию Марии Ясыни, которая призывала почитать старших».

Таким образом, благочестивая владимирская княгиня, принесшая из родной аланской земли традиции предков, чтобы научить им поколения строителей русского государства, вновь встает на защиту семейных ценностей, тем самым одновременно успокаивая встревоженного московского священника-консерватора и тесно связывая общегосударственный и этнический патриотизм его собеседниц.

Библиография

Андреева Т. Третья святая земли Русской — Мария Ясыня // Православная Осетия. 2001. № 1.

В рамках ВРНС прошли общественно-научные чтения памяти святой Марии Ясыни. 14.11.2014 // http://ruskline.ru/news_rl/2014/11/14/v_

ramkah_vrns_proshli_obwestvennonauchnye_chteniya_pamyati_svyatoj_marii_yasyuni.

Духовное завещание ясской княжны // Православная Осетия. 2014. № 1 (143).

Кондратьев Д. Мария Ясыня // Православная Осетия. 2003. № 26.

Мамсуров Т. «Служить России верой и правдой, словом и делом — это великое счастье!» // Православная Осетия. 2014. № 1 (143).

Мачнев А. «На благих деяниях Марии Ясыни мы должны воспитывать молодежь // Православная Осетия. 2014. № 1 (143).

Муравлев Е., Фомичев Д. Послушник в стране Святителя Николая. Т. II. Аланский крест. М., 2015.

Славина О. Мария Ясская — княгиня русская // Горец. 2012. № 4.

Тетцоев А.В. Письмо в редакцию «Православная Осетия» // Православная Осетия. 2009. № 2 (94).

А.-М.М. Дударов

БИЛИНГВИЗМ ИНГУШЕЙ — КОНТУРЫ ПРОБЛЕМЫ

Значение языка как основного средства передачи информации в человеческом общении общепризнанно. В настоящее время наблюдается тенденция «отмирания с небывалой скоростью отдельных языков». [Гунжитова 2011:] Достаточно остро данная проблема стоит и в «многонациональной Российской Федерации, где родные языки разных народов находятся в неординарном состоянии и поэтому в неравном положении» [Албогачиева 2011: 183] Выполнение общественно-коммуникативных функций в сочетании с такими социально-демографическими параметрами, как общая численность, компактность или дисперсность расселения, уровень развития, статус в политико-административной системе государства позволяет обеспечить сохранность и развитие конкретного языка, объем выполняемых им общественных функций [Артеменко 2008: 4].